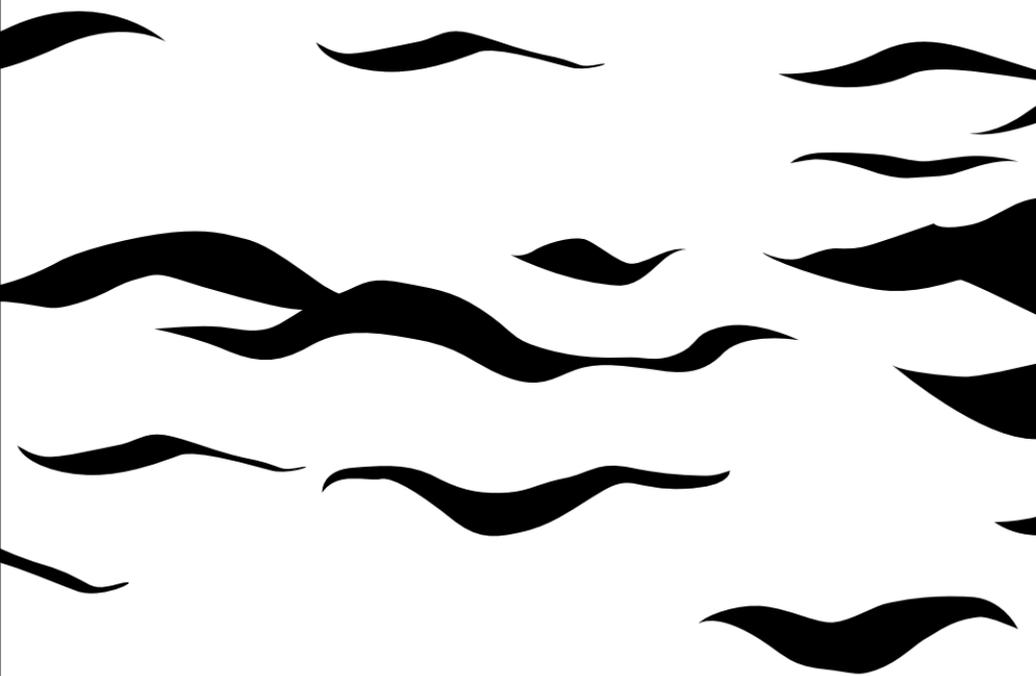

СЕРАФИНА
и РАСКОЛОТОЕ СЕРДЦЕ

СЕРАФИНА

и РАСКОЛОТОЕ СЕРДЦЕ

Перевод с английского Марии Торчинской

РОБЕРТ БИТТИ

Москва

УДК 821.111-053.2(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б66

Robert Beatty

SERAFINA AND THE SPLINTERED HEART

Перевод с английского *Марии Торчинской*

Оформление обложки *Александра Шпакова*

Битти, Роберт.

Б66 Серафина и расколотое сердце : [роман] / Роберт Битти ; [пер. с англ. М. Торчинской]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 384 с. — (Приключения Серафины).

ISBN 978-5-17-106037-4

Таинственная угроза надвигается на Билтмор...

Неизвестная сила вызывает жестокие ураганы, что сметают всё на своем пути. Серафина, очнувшись в полной темноте, должна узнать правду о том, что с ней случилось. И, пока не станет слишком поздно, научиться управлять своими новыми силами. У нее так мало времени, а совершить предстоит невозможное.

Серафина старается вновь стать защитницей Билтмора, другом Брэдена, дочерью папаши и героиней Синих гор, а также всех людей и созданий, которые зовут это место своим домом.

Впервые на русском языке третья книга серии бестселлеров Роберта Битти о приключениях юной Серафины.

УДК 821.111-053.2(73)
ББК 84(7Coe)-44

SERAFINA AND THE SPLINTERED HEART
by Robert Beatty. Copyright © 2017 by
Robert Beatty. By arrangement with the
author. All rights reserved.

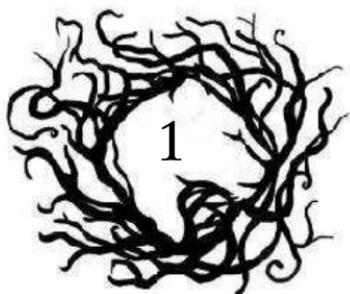
© М. Торчинская, перевод
на русский язык, 2017

ISBN 978-5-17-106037-4

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Помесье Билтмор
Эшвилл, Северная Каролина
1899

Серафина подняла веки и не увидела ничего, кроме черноты. Как будто она вообще не открывала глаза. Из темной воронки сна ее вырвал чей-то приглушенный голос, но, проснувшись, она уже не услышала ни голоса, ни звука, ни движения.

Обычно ее кошачьи глаза отлично видели даже в самой непроглядной тьме, но тут она словно ослепла. Серафина попыталась уловить хоть какой-то, пусть самый слабый, свет, но не увидела ни лунного сияния, льющегося через окно, ни мерцания фонаря в конце коридора.

Сплошная чернота.

Она закрыла глаза и снова открыла их. Ничего не изменилось. Такая же тьма.

«Неужели я и правда ослепла?»

Совершенно сбита с толку, Серафина попыталась вслушаться в темноту, как делала всегда, когда

охотилась на крыс в подвальных коридорах Билтморского особняка. Но она не услышала ни скрипа полов, ни слуг в дальних комнатах, ни отца, похрапывающего рядом на лежанке, ни шума работающих механизмов, ни стука часов, ни шагов. Было холодно и тихо, так тихо и спокойно, как еще никогда не бывало. Она находилась не в Билтморе.

Тут Серафина вспомнила, что ее разбудил какой-то голос, и снова напрягла слух, но ничего не уловила, и даже непонятно было, существовал этот голос во сне или в реальности.

«Где я? — растерянно спросила себя Серафина. — Как я здесь очутилась?»

И ответом на ее вопрос пришел звук.

Тук-тук.

И больше ничего.

Тук-тук, тук-тук.

Стук ее сердца, биение ее пульса.

Тук-тук, тук-тук, тук-тук.

Серафина медленно провела языком по сухим, растрескавшимся губам и почувствовала во рту привкус металла. Нет, не металла. Крови, ее собственной крови, текущей у нее по венам и каким-то образом оказавшейся на губах и на языке.

Она хотела откашляться, но вместо этого вдруг яростно вдохнула, втянула в себя огромный глоток воздуха, словно это был самый первый ее вдох. Кровь заструилась по венам, а руки, и ноги, и все тело закололо мелкими иголочками.

«Что происходит? — подумала она. — Что со мной случилось? Почему я так странно просыпаюсь?»

К ней постепенно возвращались воспоминания о собственной жизни. Она жила с отцом в мастерской, она вместе со своим другом Брэденом сражалась с черным плащом и посохом-оборотнем. Она получила возможность подняться из подвала в роскошные светлые комнаты и влиться в дневную жизнь, которую вели господа.

Серафина попробовала вспомнить, что же случилось дальше, но это было все равно что восстанавливать в памяти яркий сон, который тает, едва откроешь глаза. Она чувствовала себя растерянной и сбитой с толку, потому что никак не могла ухватить и собрать воедино обрывки воспоминаний о собственной жизни.

Она еще ни разу не шевельнулась, но уже чувствовала, что лежит на длинной, плоской поверхности. Ее ноги были вытянуты, руки аккуратно сложены на груди, словно кто-то специально уложил их так — бережно и почтительно.

Серафина медленно разъединила кисти и положила их вдоль тела, чтобы ощупать поверхность, на которой лежала.

Поверхность была жесткая, похожая на необструганные деревянные доски, только очень холодные. «Доски не должны быть ледяными, — подумала Серафина. — Они другие, они не такие холодные».

Сердце заколотилось у нее в груди. Ее охватил отчаянный страх.

Серафина хотела сесть, но тут же ударилась лбом обо что-то твердое, всего в нескольких сан-

тиметрах от ее головы, и снова повалилась на спину, морщась от боли.

Она прижала ладони к нависшим над ней доскам. Сейчас лишь чуткие пальцы могли послужить ей глазами. Но доски были сплошными, без трещин и разъемов. Ладони тут же взмокли, дыхание сделалось коротким и прерывистым. Изогнувшись, она рванулась вбок, но там тоже были только доски, почти вплотную к телу. Ее захлестнул ужас. Она забила ногами, заколотила кулаками. Но доски окружали ее, смыкались со всех сторон.

Серафина застонала от отчаяния, страха, гнева. Она царапалась и билась, она выкручивалась и рвалась, но вырваться не могла. Она была заперта в длинном, плоском деревянном ящике.

Тогда она прижала лицо к самому углу ящика и стала нюхать, как зверек, попавший в западню, надеясь сквозь трещины и щели почуять запахи внешнего мира. Она принюхалась в одном углу, потом в другом, но запах вокруг нее был одинаковым.

«Земля, — поняла она. — Со всех сторон сырая, гниющая почва. Меня похоронили заживо!»

Серафина лежала в холодном черном гробу под землей. Она почти не могла думать от страха.

«Я должна выбраться отсюда! — билась в голове одна-единственная мысль. — Мне надо дышать! Я не умерла!»

Но она ничего не видела, не могла пошевелиться, не слышала ни звука, кроме собственного прерывистого дыхания. Надолго ли ей хватит воздуха? Ее легкие разрывались, грудную клетку сжимало, как в тисках. Она хотела к своему папаше! Она хотела, чтобы мама пришла и раскопала ее! Должен же кто-то ее спасти!

Она прижала ладони к крышке гроба над своей головой и толкнула изо всех сил, но приподнять не смогла. От собственного визга в этом кошмарном, черном, тесном пространстве у нее заложило уши.

Потом она вспомнила отца. Что бы он сказал, окажись рядом с ней? «Соберись с мозгами, девочка. Соображай, что надо делать, и делай это».

Серафина снова вдохнула столько воздуха, сколько смогла, и попыталась успокоиться и начать думать. Да, ее глаза ничего не видели, но она могла ощупать пальцами юбку и рукава своего платья. Они были сильно изорваны. Предположим, она умерла и ее похоронили. Но тогда ее должны были переодеть в чистое, не рваное платье. Значит, те, кто ее хоронили, очень торопились. И поэтому приняли ее за мертвую? Или, может быть, хотели, чтобы она умерла самой страшной из смертей?

В этот момент Серафина почувствовала слабое, приглушенное движение над собой. В сердце ее вспыхнула надежда. Шаги!

— Помогите! — закричала она изо всех сил. — Спасите меня! Пожалуйста, помогите!

Она кричала и кричала. Она лупила кулаками по древесине над своей головой. Она била ногами. Но шаги стали удаляться, потом совсем пропали, а потом наступила глубокая тишина, и Серафине уже трудно было поверить, что она вообще слышала какие-то звуки.

Кто это был? Человек, похоронивший ее? Он что, бросил на ее могилу последнюю горсть земли и ушел? А может, это был обычный прохожий, который даже не догадывался, что здесь совсем недавно кого-то похоронили?

— Пожалуйста! Мне нужна ваша помощь! Я здесь, внизу!

Бесполезно. Она снова была одна.

На нее волной накатило отчаяние. Ей отсюда не вырваться.

На этот раз ей не выжить...

«Ну уж нет, — тут же подумала Серафина, стискивая зубы. — Я не дам себе здесь умереть. Я не сдамся. Я буду смелой! И найду выход!»

Она немного сползла вниз и ударила ногами в стенку. Доски показались ей тонкими и хлипкими. Не крепкий солидный гроб, а развалюха, наспех сколоченная из пустых ящичков из-под яблок. Но земля очень плотно прилегала к стенкам, не давая их разломать.

Тут она кое-что вспомнила.

«Шесть футов под землей». Так сказал отец много лет назад, когда она спросила, куда девают умерших людей. «В этих краях умерших закапывают на шесть футов под землю».

Серафина заерзала в душной темноте, сворачиваясь, как котенок в картонке из-под дамской обуви, а затем легла так, чтобы опереться руками в центр крышки. Шесть футов сплошной земли — очень большая тяжесть. Но отец научил ее, что у доски самое слабое место — середина.

Припомнив отцовские объяснения, она принялась, внимательно прислушиваясь, выстукивать доску над собой.

Тук-тук-тук.

Серафина сдвинула руки чуть ниже и снова застучала.

Тук-тук-тук.

Она стучала, пока не обнаружила место, где звук был более глубокий и звонкий. Значит, здесь земля не так плотно сбита. Вот оно, нужное ей место.

Но что делать дальше? Даже если она сумеет проломить доску, на нее обвалится груда земли, забьет ей рот и нос, так что она задохнется. Нет, так не пойдет...

У нее появилась новая мысль. Она застегнула платье на все пуговицы до самого подбородка, а затем вздернула подол, накрыв им лицо — в первую очередь нос и рот. В гробу было очень тесно и трудно двигаться, но ей все же удалось поднять подол со всех сторон и закрыть им голову, а потом вытянуть руки из рукавов, чтобы их ничто не сковывало. Если повезет, ткань, закрывающая лицо, поможет ей выиграть необходимые несколько секунд.

Понимая, что одними лишь руками ей доски не пробить, Серафина перевернулась на бок и уперлась в середину крышки плечом, потом снова повернулась и, напрягая все тело, приподнялась вверх на руках и ногах. В гробу не хватало места, чтобы полностью встать на четвереньки. Но Серафина свернулась, как пружина, а затем резко распрямилась, напирая на крышку, и снова ударила в нее плечом. Стало понятно, что одного удара, пусть даже сильного, недостаточно. И если просто медленно давить на крышку, это тоже не даст результата. Нужно было бить и бить — с силой, ритмично.

Бам-м, бам-м, бам-м. Длинные доски прогибались под ударами.

«Точно, — сказала она себе, не останавливаясь, — это то, что надо».

Бам-м, бам-м, бам-м.

— Ну же, давай, — прорычала Серафина. И почти сразу услышала, как доска посередине треснула под тяжестью наваленной сверху земли. — Ну, ну!

Она продолжала биться в крышку. Бам-м, бам-м, бам-м. Доска действительно раскалывалась на две части! Что-то холодное упало на голые плечи. Наверное, следовало радоваться, что все получается, как она задумала, но Серафину охватил страх. Крышка развалилась! Гроб наполнялся землей! Холодные, липкие, тяжелые комья посыпались на нее, погребая под собой. Если бы Серафина не догадалась закрыть лицо подолом, ей бы мгновенно забило рот и нос землей, и она бы уже задохнулась.

Ничего не видя, она хватала на ощупь сыплющиеся сверху комья и откидывала их в углы гроба, стараясь работать с той же скоростью, с какой они падали. Но земля все валилась, и валилась, и валилась, придавливая ноги, плечи, голову. Двигаться становилось все труднее. Девочка лихорадочно вдыхала воздух сквозь ткань платья, ее грудь судорожно вздымалась. Ей не хватало воздуха!

Наконец, когда гроб почти весь засыпало землей, она попыталась выбраться. Просунула голову в пробитое отверстие, со всех сил оттолкнулась ногами и стала отчаянно прорываться на поверх-